

Статьи. Исследования

АНДРЕЙ КОРБУТ

Res publica, понята буквально: к социологии Этого

122

Проблема вещей, ставшая одной из центральных проблем социальных исследований, мало способствовала прояснению самого понятия «вещь». В данной статье показывается, что эмпирический анализ способов повседневного производства «вещей» позволяет взглянуть на «вещь» как на результат ситуативных практик обращения с конкретными вещами, которые предлагается рассматривать как эти-вещи. На основе анализа ситуаций досмотра в аэропорту и потери вещей в метро утверждается, что существуют механизмы производства «вещей» из этих-вещей, предполагающие специфические способы категоризации собственности на эти-вещи, взаимного конституирования «вещей» и публичного пространства, обеспечения сопоставимости этих-вещей и совершения определенных действий с этими-вещами. Данный анализ может быть назван «социологией этого» поскольку он может применяться к любым социальным феноменам, которые носят неискоренимо конкретный, буквальный и наблюдаемый характер.

Ключевые слова: социология вещей, повседневность, забытые вещи, категоризация вещей, социальные взаимодействия, публичные вещи

Andrei Korbut

Res publica, understood literally: toward the sociology of 'this'

The problem of things, that has become one of the central problems of social research, made just a small contribution to the clarification of the notion of «thing». It is shown in this paper that the empirical analysis of the ways of everyday production of «things» allow us to view «thing» as a result of situated practices of handling particular things that are suggested to be considered as these-things. Based on the analysis of situations of airport screening and the loss of things in the subway, this study suggests that there are mechanisms for the production of «things» out of these-things, which presuppose specific ways of categorizing the ownership of these-things, of mutual constitution of «things» and public space, of ensuring comparability of these-things, and of doing certain actions with these-

---

Корбут Андрей Михайлович — Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник; преподаватель факультета социологии МВШ-СЭН, кандидат социологических наук. E-mail: korbut.andrei@gmail.com.

things. Such an analysis may be called «the sociology of this» because it can be applied to any social phenomena which are ineradicably particular, literal and observable.

Keywords: sociology of things, everyday life, lost things, categorization of things, social interactions, public things

Вступление

«**D**ie Welt ist die Gesamtheit der Tatsachen, nicht der Dinge»¹. С этой фразой стал бы спорить только самый отъявленный последователь Дюркгейма. Все прочие на собственной шкуре знают, что так оно и есть. По крайней мере об этом знают все, у кого когда-либо перегорала лампочка. Ты щелкаешь выключателем, но свет не загорается. Мир, до сих пор послушно изображавший из себя совокупность вещей, погружает нас в темноту фактов. Приходится искать другой источник света, новую лампочку, стул или табуретку и карабкаться вверх, попутно сталкиваясь со всё новыми цепочками фактов: куда я положил лампочки? — так, кажется, на 60 нет, ладно, пока поставлю на 40, — черт, сколько же тут пыли — что-то плохо выкручивается — всё, вроде работает. Разумеется, те, кто не призывает рассматривать факты как вещи, не обязательно тем самым противопоставляют первые вторым. Такой наивный конструктивизм — редкое явление². Но при этом диапазон возможных пониманий отношений между фактами и вещами не безграничен. Более того, все разнообразие этих пониманий несложно свести к двум. Первое предполагает символическое понимание объектов³ и соответственно интерпретативное отношение между фактом и вещью. Тут факт есть способ наделения вещей значением, без которого они будут лишь ничего не значащими фрагментами материального мира⁴.

123

-
- 1 «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Л. Витгенштейн, Логико-философский трактат).
  - 2 Не менее редкое, чем наивный реализм. Не стоит слишком буквально воспринимать фразу «лампочка перегорела». Или, точнее, как я покажу ниже, обычно ее воспринимают недостаточно буквально, из-за чего здравому смыслу приписывают веру в существование «объективного материального мира, независимого от воспринимающего субъекта», веру, которую здравый смысл демонстрирует только в ответах на вопросы социологов.
  - 3 Здесь и далее я не буду делать различий между объектом, вещью и предметом.
  - 4 Интересно в этом плане внутренне противоречивое высказывание одного из сторонников данного понимания вещей: «Таким образом, вещи, которые ни в коем случае не являются статичными, инертными и безмолвными, можно сравнить с другими более современными носителями смысла —

Источником значений может назначаться социальная структура, символически опосредованные взаимодействия, категории разума или прагматика инструментального действия, но результат от этого не меняется. Вещи все так же воспринимаются, как прозрачная пленка, окружающая твердое ядро смысла. Второй подход, антагонистичный первому¹, утверждает самобытность вещей в качестве партнеров по взаимодействию. Факты связаны с вещами договорными отношениями. Факты — это то, что мы производим совместно с вещами. Мы вынуждены договариваться с вещами, чтобы достигать своих целей и создавать факты. И далеко не всегда эти переговоры оказываются успешными. Мы можем уговаривать вещи, угрожать и приказывать им, заключать с ними соглашения, делегировать им полномочия и функции, но они все равно руководствуются своими соображениями, признавая или отвергая наши посулы и угрозы. В такой вселенной невозможна диктатура смысла: всё, что мы считаем прямым актом приписывания смысла безмолвной и пассивной материи, является лишь временной стабилизацией отношений с вещами, которые могут в любой момент отозвать свою подпись, разорвать отношения или переписать условия договора. Вещи при этом — не люди, например, они не умеют говорить, но кто-то может говорить за них. Нам не нужно задаваться вопросом, сумели бы мы понять льва, умеет он говорить. За него говорит Крейг Пэкер.

Оба понимания отличаются одной особенностью: для них «вещь» — способ говорить о вещах не задумываясь, точнее, думать при этом о чем-то другом. Всегда есть задняя мысль, которая чаще всего сфокусирована на том, что можно противопоставить вещам: на людях или идеях, или смыслах, или словах, или культуре, или действиях. Поэтому вещи или отношения с ними объемлют огромные массы, дифференцирующиеся только в рамках единой номинации «вещь/не-вещь». Все вещи равны. Многообразие вещей возможно лишь в пределах их единства².

словами. Подобно словам вещи представляют собой элемент информационной системы, значение которого создается в контексте социального взаимодействия и совместной коммуникации между людьми» [Komter, 2001, p. 73]. Вещи говорят, но только голосом социального.

- 1 «„Поворот к материальному“ предполагает отказ от подобной логики рассуждения — зримая и осязаемая вещь не должна в конечном итоге редуцироваться к нематериальной „социальной вещи“» [Вахштайн, 2006, с. 9].
- 2 Зиммель сформулировал эту идею с предельной точностью: «Вещи как естественные реальности включены в порядок, основу которого составляет предпосылка о единстве сущности как носителе всего многообразия их свойств: равенство перед законом природы, постоянство сумм вещества и энергии, преобразование друг в друга самых разных явлений примиря-

Однако у нас есть и другой опыт вещей, отличающийся от опыта социальной теории. И этот опыт гораздо более обширен, чем два других. В рамках этого опыта «вещь» — это то, что является *осуществлением* некоторой работы, а не то, с чем работу нужно *еще* провести. Говоря языком социальной теории, в повседневном мире не всякий объект выступает вещью. Говоря языком здравого смысла, нет никаких вещей, есть *эта-вещь*, {вещь}¹, вещь, понятая буквально. Именно с ней и в виде нее мы реализуем свои действия, *эти-действия*. Таким образом, фактичность обыденных вещей не настолько примитивна, как фактичность вещей в социальной теории. Обыденная вещь, которая всегда является {вещью}, не составляет вместе с другими {вещами} мир, но не потому, что мир состоит из фактов, а потому, что {вещи} и есть факты. В этом смысле эти-вещи — единственное, что способно противостоять «вещам», заполонившим социологические тексты. Поэтому нам нужна социология *этого*. Такая социология должна быть написана с нуля, потому что единственный способ ее написать — нырнуть с головой в гущу {вещей}.

Погружение первое: монеты

125

Поскольку начать построение социологии этого можно с любого места, я начну с монет.

В повседневной жизни мы используем монеты при денежном расчете. В этом случае монеты не только составляют часть выплачиваемой суммы либо сдачи, но и выступают предметом сделок: продавец может «прощать» нас, если у нас нет нужных монет, но и мы можем «прощать» продавца, если в кассе закончились монеты. В отсутствие продавца, конечно же, такие сделки невозможны. Автомат по продаже газировки не простит нам отсутствие даже одного рубля, хотя он может простить, если мы бросим вместо двухрублевой монеты один евро. С другой стороны, мы можем совершать с помощью монет и иные действия, скажем, принимать решения, выражать желание вернуться в Рим, наносить физический ущерб противнику, открывать бутылки. И, конечно же, их можно коллекционировать.

ют их, на первый взгляд, удаленность друг от друга, превращая ее в совершенное родство, в равноправие всех» [Зиммель, 1999, с. 315]. Хотя основание порядка может пониматься и иначе, принцип «равноправия всех вещей» никогда не ставился под вопрос.

- 1 Я буду использовать фигурные скобки для обозначения реальных этих-вещей в реальном мире. Таким образом, на месте {вещи} должна находиться конкретная вещь.

Поскольку монеты — реальные объекты в реальном мире, нам приходится считаться с их весом, размерами и количеством. Монеты нужно как-то переносить, например, в кармане, кошельке или полиэтиленовом пакете, и их нужно где-то хранить, если они уже не помещаются в кармане, например, мы можем складывать их в специальный сосуд. Кроме того, в силу разных обстоятельств¹ некоторые монеты используются реже других. Скажем, в данный момент в России 10- и 50-копеечные монеты постепенно утрачивают свое значение, и поэтому именно они оседают дома (заставляя нас ломать голову над тем, как с ними поступить) и именно их чаще всего оставляют на кассе при получении сдачи.

Последняя ситуация представляет особенный интерес, поскольку она указывает направление поисков для тех, кто хочет прояснить условия и механизмы надления {вещи} характером «вещи». Одним из наиболее наглядных представителей этого же класса ситуаций выступает досмотр на входе в аэропорт, когда мы достаем кошельки, мобильные телефоны, ключи, монеты, часы и т. д. и кладем их рядом с рамкой металлодетектора, чтобы забрать после прохождения досмотра. Я остановлюсь на этой ситуации более подробно, поскольку в ней можно наблюдать, как «вещь» возникает в результате работы с этой-вещью.

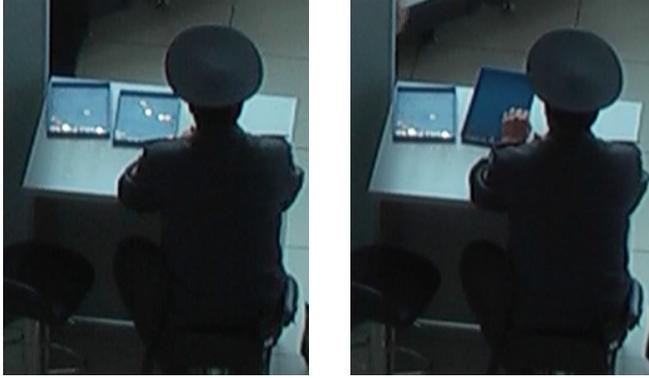
126

На первый взгляд, монету, как и любой объект, очень легко «раздвоить», указав на границу между материальностью монеты и ее меновой стоимостью. Однако было бы слишком просто отнести размер, форму, вес, цвет и состав монеты к ее «вещности», а меновую стоимость — к ее «фактичности». Для этого пришлось бы применить универсальную процедуру редукции каждой этой-монеты к вещи. Но в повседневном мире реализуются прямо противоположные процедуры: локальные процедуры производства вещи из этой-монеты, процедуры, связанные с упорядочиванием конкретных ситуаций с помощью и в виде этих-вещей, в данном случае — производства {вещей} как вещей из, посредством и в виде этих-монет.

Меня будет интересовать только один феномен: оставление людьми монет в лотке для мелких вещей. Я буду опираться на данные, собранные в одном из российских аэропортов. Посмотрите на два скриншота из видеозаписи точки досмотра в этом аэропорту.

---

1 Главным из которых является, видимо, снижение покупательской способности определенных монет и вытекающая отсюда необходимость оперировать большим их количеством.

Между событиями, изображенными на скриншотах, прошло около одной секунды. В первом кадре мы видим два пластиковых лотка, в которые проходящие досмотр складывают свои вещи и откуда они потом их забирают. Как видно на снимке, иногда они забирают не всё: некоторые оставляют там свои монеты. Во втором кадре полицейский, сидящий за столом с лотками, приподнимает правый лоток, чтобы собравшиеся там монеты сползли к одному краю¹. (Судя по тому, что монеты в левом лотке тоже сконцентрированы возле одного края, ранее полицейский проделал с этим лотком ту же самую процедуру, хотя в запись этот момент не попал.)

127

Монеты, как эти-вещи, обладают в данной ситуации рядом свойств, обеспечивающих их рефлексивность². Перечислим их.

1. Монеты могут быть чужими, ничьими, моими. Собственность или отсутствие собственности на монеты является вопросом физического обладания ими, поскольку сами по себе монеты не имеют отличительных признаков, позволяющих по их внешнему виду установить владельца. «Мои» монеты — это монеты, которые я ношу с собой и забираю себе после того, как вынужден был с ними временно расстаться. Но сами по себе монеты как «вещи» могут переходить из рук в руки.
2. Ситуация досмотра организована таким образом, что мест, куда можно положить монеты, немного, и досмотр происходит настолько быстро, что при сильном потоке входящих монеты могут перемешиваться, что создает очевидную проблему отделения своих монет от чужих. Это не всегда осуще-

-
- 1 Он берет лоток за правый край не случайно: он сидит с краю стола, чтобы не мешать людям забирать вещи из лотков.
  - 2 Рефлексивность понимается здесь этнометодологически: как способность описывать ситуацию, будучи ее частью. Монеты как эти-вещи являются описаниями текущей ситуации, составляя ее компонент.

ствимо, и тогда невозможность отделить свои монеты от чужих может привести к решению оставить свои монеты¹.

3. Монеты (как и прочие мелкие предметы, оставляемые в лотках) показывают, что на входе в аэропорт надо достать какие-то вещи. Даже если человек не знает причину, он может, ориентируясь на действия других входящих, во-первых, догадаться о необходимости такого действия и, во-вторых, понять его резоны.
4. Монеты указывают досматриваемым, во-первых, какие именно вещи следует достать и поместить в данное конкретное место (собственно монеты) и, во-вторых, подсказывают, какого типа вещи это могут быть (небольшие, металлические, хранящиеся в карманах). Новый посетитель аэропорта, подходя к пункту досмотра, видит, что другие досматриваемые достают монеты или видит монеты, оставленные в лотках, и понимает, что ему тоже следует так поступить.
5. Монеты кладутся в лотки, которые расположены у края стола, обращенного к входящему, и имеют невысокие борта, которые не только облегчают задачу забирая монет, но и не дают им рассыпаться по столу. В этом смысле лотки, даже если они не предназначены специально для монет, оказываются наиболее удобны именно для обращения с монетами².
6. Доставать необходимо все монеты, которые у тебя есть. При наличии большого количества монет это создает определенные трудности, связанные как с их выниманием, так и с размещением в лотке и последующим забором, поэто-

128

---

1 На ситуацию смешения чужих и своих вещей обращают внимание и юристы. См. [Белов, 2007; Новак, 2015]. В праве эта проблема называется проблемой «неразличимого смешения». Однако правовой анализ принципиально отличается от анализа того, как смешение своих и чужих вещей происходит в повседневных социальных ситуациях. Для юриста ключевой вопрос: как установить собственность на вещи, если они однородны и смешаны? (Наиболее распространенным сегодня является решение, основанное на долевой собственности в отношении полученного «смешения».) Для участников повседневных ситуаций вопрос, как мы видим, состоит в другом: как сделать так, чтобы вещи не смешивались, и как поступить в том случае, если они смешались? При этом люди основываются не на юридических соображениях, а на обыденных способах категоризации «своего» и «чужого». Тем не менее в данном случае юристы вновь оказываются на шаг впереди социальных исследователей.

2 Следует отметить, что лотки, помимо того, что они указывают место вещей и организуют их расположение и забор, также подсказывают, какого размера вещи необходимо доставать (те, которые вмещаются в лотки).

- му некоторые пассажиры могут намеренно не брать с собой в полет монеты.
7. Номинал доставаемых монет может значительно отличаться от их объема: большое количество монет большого размера может составлять небольшую сумму¹. Сумма, которую составляют монеты, играет важную роль в решении о том, забирать их или нет.
  8. Если доставать монеты обязательно (хотя не известно, сможет ли металлодетектор «найти» монеты в кармане и как на это отреагирует досматривающий), то забирать их обратно — нет. В отличие от технического требования проходить рамку детектора без металлических предметов на себе — требование, которое одновременно является моральным, поскольку досматриваемый, знающий о необходимости доставать металлические предметы и не делающий этого, не просто не соблюдает правило, а нарушает его и становится потенциальным объектом морального осуждения, — забирание монет остается на усмотрение их владельца. Отказ забирать монеты является обоснованным действием в данной ситуации.
  9. Свою роль играет место хранения монет, поскольку монеты, хранящиеся в кошельке или сумке, не достаются. В лотке оказываются монеты из карманов, поэтому тип одежды и ручной клади сказывается на том, кто именно может оставлять монеты в лотках.
  10. Полицейский сдвигает монеты, чтобы они не занимали место и не мешали досматриваемым оставлять свои монеты и прочие вещи. Положить свою вещь на вещи другого или смешать свои монеты с монетами другого — это действия, которые могут вызвать напряжение в отношениях с их владельцем. При этом собственность на ручную кладь соблюдается гораздо жестче: любая оставленная сумка тут же будет идентифицирована как оставленная либо случайно, либо специально (в этом случае скорее всего с преступными намерениями), и будет по возможности возвращена владельцу, а оставленные монеты — нет. Даже если монеты оставлены в лотке случайно (что вряд ли), полицейский не будет разыскивать их владельца.

1 При этом необходимо учитывать, что «большое»/«небольшое» — это контекстуально-относительные категории, не имеющие четкого количественного выражения. В различных ситуациях одна и та же вещь может переходить из категории «большой» в категорию «небольшой».

Все перечисленные свойства основываются на том факте, что монеты — это всегда эти-монеты, т. е. эти-монеты-которые-я-достал-из-своего-кармана-и-положил-вот-сюда. Именно в отношении этих-монет совершаются все те действия, которые мы можем описывать как «забирание монет после досмотра» или «оставление монет в лотке». Хотя монеты не используются здесь в качестве денег, а представляют для разных участников по-разному «объективированные» «вещи»¹, это не значит, что монеты здесь становятся вещами в результате редукции первичного социального значения. Как мы видели, эти-монеты оказываются вещами лишь в процессе материальной работы обращения с ними, в результате которой они не перестают быть этими-вещами. Полицейский получает право манипулировать этими-монетами, когда они перестают кому-то принадлежать². Но «переставание принадлежать» — проделываемая здесь и теперь всеми участниками работа. Металлодетектор, мебель, лотки, другие досматриваемые, досмотрщик, полицейский, чужие монеты, чемоданы, мобильные телефоны, кошельки и пр. создают достаточное основание для доставания монет из кармана, помещение их в лоток и принятия решения о том, забирать ли их. При этом происходит переопределение деталей этих-монет: в зависимости от осуществляемой с ними практики детали монет «проясняются», «проясняя» в свою очередь осуществляемую с ними ситуативную практику. «Вещь» в таком случае — это специфическая конфигурация практик и деталей этих-вещей, в данном случае — этих-монет.

Эти-монеты не могут быть простым набором деталей, некоторые из которых оказываются релевантными в соответствующих обстоятельствах. Такой взгляд на эти-вещи означал бы возможность построения исчерпывающего описания этой-вещи, включающего перечень свойств, из которых бы совершал выбор конкретный участник. Но любое описание этой-вещи неискоренимо ситуативно, поэтому любая конфигурация деталей и есть *исчерпывающее* описание этой-вещи, достаточное для текущих практических целей. Соответственно производство вещи — это не выведение одних свойств этой-вещи на первый план и игнорирование остальных, а определение локально описываемых конфигураций *всех* деталей этой-вещи как «вещи».

То, что это именно *монеты* и именно *эти* монеты, составляет конститутивный момент разворачивающейся ситуации. Полицейский

1 Можно сказать, что для металлодетектора это куски металла, для досматриваемых — множество мелочи в кармане, для полицейского — то, что лежит в лотке.

2 Или даже независимо от этого, например, он может взять их, чтобы вернуть владельцу.

видит, что это монеты, лежащие в лотке, которые никто не забирает и которые лежат так, что могут спутаться с другими монетами. Каждый из элементов данной ситуации имеет определенное организационное значение в уже осуществленных и осуществляемых теперь действиях, например, «никто не забирает» отсылает как к совершаемым другими людьми действиям (положивший их человек уже ушел), так и к объяснимости их положения здесь и теперь: они слишком мелкие, чтобы представлять собой ценность, плюс их не очень удобно забирать из лотков, когда надо побыстрее пройти досмотр. Ни в какой момент осуществляемой работы эти-монеты не становятся кусками металла, обладающими «объективными» характеристиками (царапины в таких-то местах, потертости в таких, измененный цвет в таких), хотя при этом они становятся «вещами» в привычном смысле слова. В этом отношении «вещь» отсылает не к материальному субстрату, поведение которого подчиняется собственными правилами, а к организационному состоянию *этой*-вещи. Полицейский, наклоня лоток, что-то делает с этими-монетами, а не с вещами. Чем же в таком случае отличается монета, лежащая в монетнице на кассе магазина, от монеты, лежащей в лотке для вещей на пункте досмотра? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно нырнуть в гуцу {вещей} еще раз.

131

Погружение 2¹: склад забытых вещей

В Гражданском кодексе Российской Федерации несколько статей посвящены вещам. В частности, в главе 14 «Приобретение права собственности» вводится понятие «бесхозяйная вещь»: «Бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался» (ст. 225, п. 1). Соответственно есть четыре категории бесхозяйных вещей: бесхозяйные недвижимые вещи, движимые вещи, от которых собственник отказался, клады и находки. Последний класс вещей особенно интересен, поскольку с его помощью можно наглядно продемонстрировать, каковы механизмы «овеществления» этих-вещей. Приведем статью, определяющую порядок действий в случае находок, полностью.

Статья 227. Находка.

1. Нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи или ко-

1 Неизбежно поверхностное, поскольку я не буду обсуждать конкретные ситуации.

го-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу.

Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. В этом случае лицо, которому сдана находка, приобретает права и несет обязанности лица, нашедшего вещь.

2. Если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны, нашедший вещь обязан заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления.
3. Нашедший вещь вправе хранить ее у себя либо сдать на хранение в полицию, орган местного самоуправления или указанному ими лицу.

Скоропортящаяся вещь или вещь, издержки по хранению которой несоизмеримо велики по сравнению с ее стоимостью, может быть реализована нашедшим вещь с получением письменных доказательств, удостоверяющих сумму выручки. Деньги, вырученные от продажи найденной вещи, подлежат возврату лицу, уполномоченному на ее получение.

4. Нашедший вещь отвечает за ее утрату или повреждение лишь в случае умысла или грубой неосторожности и в пределах стоимости вещи».

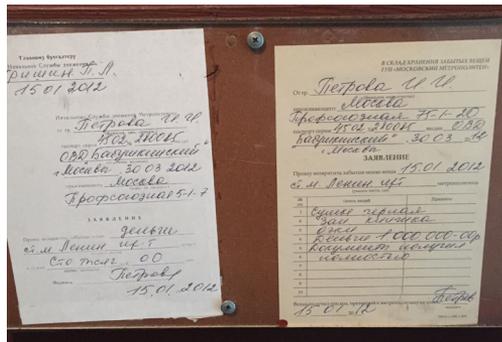
В этой статье указан ряд важных моментов, связанных с обращением с этими-вещами. К некоторым из них я вернусь позже, сейчас же нужно обратить внимание на одну принципиальную недоговоренность: кодекс ничего не говорит нам о том, как идентифицировать «лицо, потерявшее вещь», «собственника вещи» или «кого-либо другого, имеющего право получить ее». Даже если у нас есть возможность как-то уведомить это лицо или оно само обратилось к нам, все равно остается проблема достоверного установления того, действительно ли *эта*-вещь принадлежит *этому*-человеку. Давайте посмотрим, как эта проблема решается в одном конкретном случае.

Если вы потеряете вещь в московском метро, она, если ее никто не присвоит, может попасть на склад забытых вещей, который расположен на станции метро «Университет». Туда отправляются вещи, оставленные пассажирами в вагонах поездов или на станциях. В случае обнаружения бесхозной вещи, ее осматривает полицейский, после чего дежурный по станции заносит описание вещи и ее содержимого в специальный бланк и затем передает эту вещь вместе с бланком на склад. Там вещь сверяют с описанием и принимают на хранение. Она будет находиться на складе шесть месяцев, после чего, если ее не востребуют, перейдет в собственность государства и скорее всего будет продана.

На складе вещи хранятся в следующем виде¹.

Те, кто хотят получить свои вещи, должны заполнить заявление, согласно вывешенному образцу.

133

Описание вещей, как можно видеть, рекомендуется самое общее: «сумка черная», «зап.книжка», «очки», «деньги 1. 000. 000-00 руб.». Отчасти это связано с тем, что данный документ — лишь пример. Возможно, в реальных заявлениях вещи описываются иначе². Тем не менее сколь бы подробным описание не было, всегда есть возможность, что данный человек не является их владельцем. Поэтому помимо описи вещей указываются также дата и место их потери. Все эти описания должны обеспечить обоснованность возврата этой-вещи этому-человеку.

Поскольку меня интересуют отношения между этими-вещами и вещами, я возьму один пункт из данной описи: очки. Отношения между очками как записью в заявлении или в бланке описи найденной вещи и этими-очками таковы:

- 1) «очки» обозначают конкретные очки, эти-очки;

1 Фотография Марка Боярского. Снимок взят из [Неякин, 2014].

2 Это проблема дальнейшего исследования. Я пока не знаю, как реально заполняются заявления и происходит возврат вещей, что накладывает серьезные ограничения на мои наблюдения.

2) «очки» имеют смысл только как эти-очки, которые были потеряны конкретным человеком в определенный день в определенном месте;

3) «очки» обозначают эти-очки, которые были найдены, переданы на склад и описаны сотрудниками метрополитена. Это эти-очки-в-данном-заявлении;

4) «очки» — это очки среди других вещей, т. е. эти-очки-вместе-с-черной-сумкой-зап.-книжкой-и-деньгами-1.000.000-00. Эти другие вещи «аналогичны» очкам, хотя очки, деньги и записная книжка могли находиться *внутри* сумки.

5) «Очки» — идентифицирующее описание этих-очков. Любой, не только владелец этих-очков, может сказать, что это именно «очки» и ни что другое.

Чтобы получить свои вещи, заявителю необходимо предоставить их описания. Как мы видим в случае очков, эти описания могут быть предельно общими. Разумеется, при необходимости они могут быть дополнены (например, если бы я потерял только очки, меня могли бы спросить, как они выглядят). И для сотрудников метро, и для пассажиров эти-очки являются вещью, но только в том смысле, в каком эти-очки были потеряны, найдены и описаны при этих-обстоятельствах и зримо являются «очками» для любого¹. Классифицируя эти-очки как вещь, сотрудники метро указывают на организационный контекст обращения с ними, заключающийся в производстве и поддержании определенной связи между этой-вещью и описанием этой-вещи. Данная связь основана на ряде соображений².

134

1 Это не исключает возможности альтернативного описания. Например, «очки» можно описать как «пенсне», «сумку черную» — как «портфель черный», а «зап.книжку» — как «блокнот», с соответствующими проблемами в понимании между заявителем и кладовщиком и необходимостью дополнения этих описаний.

2 Нижеследующий анализ преследует цель рассмотреть механизмы наделения этой-вещи характером «вещи», и поэтому не направлен на обнаружение механизмов, стоящих за этой-вещью. Образцом второго типа анализа, который исходит из очевидности «бесхозных вещей», является исследование Оксаны Запорожец и Екатерины Лавринец, в котором утверждается, что «предметы без свойств, „бесхозные вещи“ являются основным элементом риторических тактик, направленных на контроль» [Запорожец, Лавринец, 2008, с. 92]. В итоге вместо описания того, как конкретные участники приходят к восприятию этой-вещи в качестве «потерянной», мы узнаем, что «потерянность вещи — это осознание ее выхода за рамки существующих социальных и городских регламентаций, прорыв существующих схем, предписывающих единение вещи и хозяина и расшатывание властной монополии на право оставления следов в городском пространстве» [Там же, с. 96]. Здесь важно не столько то, что путь от «вещей» до «социальных и городских регламентаций», «существующих схем», «единения вещи и хозя-

Первый ряд соображений связан с собственностью. Эти-очки становятся «потерянной вещью» из Гражданского кодекса, если существуют механизмы разделения вещей на «находящиеся при ком-то» и «потерянные». Находящиеся при ком-то вещи не обязательно находятся возле этого человека. Он может оставить свою вещь, например, чтобы обозначить, что данное место занято. В этом случае вещь не будет потерянной, хотя с такой классификацией могут возникать проблемы (этот зонтик на стуле в кафе означает, что стул занят или что кто-то забыл зонтик?). Кроме того, вещи могут быть «ничейными». Вещи, найденные в метро, впрочем, могут стать ничьими лишь спустя некоторое время и вряд ли смогут всегда оставаться в таком положении (скорее всего они будут или утилизированы, или проданы). Хотя некоторые вещи из метро сразу оказываются «ничейными»¹.

Второй ряд соображений касается публичности вещей. Благодаря тому, что эти-вещи в метрополитене — публичные эти-вещи, сотрудники метрополитена, полицейские и пассажиры могут сразу понять, была эта-вещь потеряна или нет. И то, что далеко не всегда можно сходу определить, была «сумка черная» оставлена намеренно или забыта, не должно мешать нам видеть, что приобретением этой-вещью характера «вещи» неразрывно связано с тем, что «вещь» здесь соотносится с местом, к которому может иметь доступ кто угодно. Найденные «очки» — это буквально «публичная вещь», *res publica*²,

---

ина» проделывается со скоростью щелчка пальцами, сколько очевидность «вещей», о которых в отсутствии возможности привязать их к «властной монополии», «контролю», «опасному Другому», «публичной драматургии беспокорства» сказать нечего. Здесь «вещи» передвигаются лишь в социальных потоках, текущих под поверхностью наблюдаемых практик, но доступных пронизательному взгляду социолога.

- 1 Вспомните монеты, которые вы могли видеть на полу в метро. И вспомните ситуации, когда вы сами роняли монеты или видели, как кто-то их уронил, в этом случае уронившему, если кажется, что он не заметил выпавшую монету, могут указать на то, что у него что-то упало, но далеко не всегда люди будут поднимать упавшие монеты.
- 2 Идея «публичной вещи» здесь очень мало соприкасается с историей данного термина и с тем, какое применение он находит в некоторых современных социологиях, например, у Олега Хархордина. В ряде работ (см., например, [Хархордин, 2007, 2009, 2013]) Хархордин развивает идею особых «общих вещей», некоторые из которых могут быть публичными. Он пишет: «...надо анализировать общие вещи с помощью двух пар контрастных категорий — с помощью пары „общее — публичное“ и с помощью пары „только в пользовании — полностью в собственности“» [Хархордин, 2013, с. 42]. Соответственно выделяются четыре категории общих вещей, из которых две носят публичный характер: публичные вещи, находящие только в пользовании (пример — городской парк, вокруг которого мобилизуется местная идентичность жителей), и публичные вещи в полной собственности

поскольку они могут быть «вещью» лишь благодаря тому, что мы воспринимаем публичное пространство как особого рода порядок, не предполагающий «оставление» в нем чего-то. Я не могу оставить «очки» в вагоне метро, чтобы позже забрать их. «Очки», если мы не можем идентифицировать их владельца, оказываются неуместными и доступными для «овеществления». Но «овеществляется» не «конструкция из пластика, стекла и железа такой-то формы и цвета», а *эти* очки, рассмотренные буквально, как очки.

Этот второй ряд соображений, связанных с публичными местами, определенно присутствует, когда мы говорим о потерянных вещах. Когда кто-то сообщает нам, что потерял очки, мы скорее всего будем слышать его так, как если бы он говорил о публичном месте, а не дома или работе. Конечно, потом может оказаться, что он забыл очки дома или на работе, но тогда он в некотором смысле их не терял. Кроме того, очки, найденные на работе или дома кем-то другим, скорее всего будут соотнесены с конкретным «лицом, потерявшим их» и вряд ли покинут соответствующее место¹. Поэтому эта-вещь в публичном месте может очень быстро приобретать характер «вещи» благодаря специфическим практикам демонстрации собственности на вещи в публичных местах: вещи — это то, что находится на мне, у меня в руках или рядом со мной, т. е. буквально с человеком. На склад забытых вещей попадают эти-вещи, которые зримо «ни с кем».

«Вещь» конституируется в публичном пространстве, но одновременно конституирует его: специфические возможности манипулирования этими-вещами как вещами являются определяющими для публичных мест. Возможность оставить, например, черную сумку на стуле в кафе, чтобы занять место, и надежда на то, что ее увидят именно так, а не как «забытую вещь», предполагают, что в данном месте можно вообще проводить границу между «своим» и «чужим», которая тут изначально отсутствует. Занимая место с помощью этой-вещи, мы организуем конкретное *здесь* как публичное место.

(отсутствующие в российских городах). Такое понимание публичных вещей и публичности вещей расходится с моими задачами, поскольку я хочу показать, каким образом появление «вещей» как определенной категории соотносится с их «публичностью», а также как публичность конституируется за счет определенной категоризации вещей. Кроме того, существуют явные расхождения между тем, как пользуются «очками», и тем, как пользуются «городским парком», которые мешают безоговорочно записаться в ряды продолжателей дела древних римлян и легко распространить категорию «вещь» на «парк». Не то что бы такое распространение было невозможно, но для него должны быть веские причины, которые Хархордин не анализирует.

1 Хотя здесь имеет значение, кто их нашел, например, уборщик, убирающий кабинет по завершении рабочего дня, или коллега по работе.

Еще одним условием классификации этих-вещей как вещей выступает их сопоставимость¹. Сумка, очки, записная книжка, деньги попадают в одну категорию «вещи», поскольку у нас есть основания для их сопоставления: их нахождение в этом-месте в это-время. «Вещь» в данном случае выступает предельно открытой категорией, в которую могут попадать любые эти-вещи². Внутри категории «вещи» все элементы взаимозаменяемы, хотя при этом они группируются в подкатегории, основанные на различных других принципах их объединения: вещи, принадлежащие господину К., вещи, найденные на станции «Ленинский проспект» 15.01.2012, вещи в карманах досматриваемого в аэропорту. Поскольку принцип группировки может быть сколько угодно, классификация этих-вещей в качестве вещей позволяет группировать их независимо от их наблюдаемых свойств в том смысле, что *что бы ни было обнаружено на станции «Ленинский проспект» 15.01.2012, это будут вещи.*

Для сотрудника склада нет ничего удивительного в том, что некоторые потерянные вещи удивительны: «Я работаю здесь 20 лет. Самые странные вещи, которые забывали, — протез, уже не помню, руки или ноги. Это оставили люди, которые побирались, раньше их было намного больше. Они же забывали инвалидные коляски. Были еще урны с прахом. Одну из них удалось вернуть потерявшему, это был прах его мамы. Он его из Питера вез в Москву и оставил в метро. Таких случаев было два. Еще удивляемся, когда забывают крупные вещи вроде велосипеда или детской коляски. А остальное все обыденное: с чем ездят в метро, то и оставляют» [Неяскин, 2014].

137

Вещью может оказаться что угодно. И хотя среди забытых вещей есть странные и обыденные, сама возможность такого противопоставления предполагает сопоставимость тех и других, обеспечиваемую категорией «вещи».

Подобная однородность³ вещей заключается среди прочего в отсутствии необходимости их детализировать. Чтобы охарактеризовать

- 1 Между этими-вещами и вещами не причинно-следственная связь, поэтому высказывание «еще одним условием сопоставимости этих-вещей является их классификация как вещей» было бы равно справедливым.
- 2 В этом смысле есть очень тесные связи между «овеществлением» этих-вещей и описями или списками вещей. Во многом работа бухгалтеров строится именно на установлении и управлении этими связями.
- 3 В данном случае я использую термин «однородность» не-юридически: в праве однородны вещи, которые нельзя различить после их смешения [Новак, 2014], здесь же речь идет об однородности любых этих-вещей. Однако юристы правы, когда обращают внимание на тот факт, что однородность вещей может быть связана с утратой очевидного права на собственность: полицейский в аэропорту обращается с монетами в лотке как с одинаково

эту-вещь как вещь, нам хватает одного слова или нескольких слов. Между «сумкой черной», «очками», «записной книжкой» и «деньгами» общее то, что соответствующие эти-вещи можно описать одинаково не-детально. Нас учат подобным способам описания этих-вещей с детства. Вспомните хотя бы букварь: каждой букве в букваре соответствует набор слов, описанных не-детальным образом, и значительная часть этих слов характеризует вещи (и сопровождается иллюстрациями соответствующих вещей). Такая не-детальность представляет собой механизм соотнесения этой-вещи и ее описания, обеспечивающий возможность характеристики первой как вещи.

К «вещам» также применяются определенные действия, допустимость и оправданность которых сопряжена с данной классификацией. «Вещь» — это классификация, позволяющая что-то делать с этой-вещью. Например, переносить, собирать или досматривать. Некоторые из юридически разрешенных манипуляций с найденными вещами описаны в ст. 227 Гражданского кодекса. Например, нашедший получает право хранить потерянную вещь у себя или даже продать ее. Описание вещи при этом, как мы видим из образца заявления, будет носить такой характер, чтобы по этому описанию ее можно было идентифицировать в качестве вещи, отличной от других вещей, но только в этом качестве, т. е. описание должно указывать на эту-вещь, не детализируя ее.

138

Тип действия (в том числе описания), применяемого к одной вещи, распространяется и на другие вещи той же группы. Например, черную сумку, записную книжку и очки скорее всего привезут на склад и оставят на хранение вместе. С ними будут обращаться одинаково. При этом возможности обращения с этими-вещами неизбежно связаны с ключевым набором соображений, касающимся собственности на вещи. Я обладаю лишь определенными возможностями манипуляции с чужими вещами и демонстрации собственности на свои вещи. Эти возможности, кроме того, различаются в зависимости от того, к какой категории отношусь я сам. Если я сотрудник полиции в метрополитене, то могу досматривать и перемещать эти-вещи, которые нельзя досматривать и перемещать другим, в том числе эти-вещи, находящиеся с их владельцами. Скажем, я могу открыть потерянную сумку и обнаружить там очки, записную книжку и деньги. Я могу извлечь эти-вещи из сумки и рассматривать их теперь вместе с сумкой как однородные «вещи». При этом мне вряд ли придется объяснять, почему сумка была вскрыта, если вдруг такой вопрос возникнет.

ничьими монетами, что составляет один из механизмов производства «вещей» из этих-вещей в данной ситуации.

Но эта-вещь *всегда* находится в фокусе какой-то практики или, точнее, *является* практикой. В этом отношении спор о том, конституирует ли каждая практика свой особый мир вещей, отражает ли каждая практика лишь отдельные аспекты вещей или вещи живут по собственным правилам, позволяя разным практикам совершать с ними лишь определенные вещи, основывается на очевидности «вещей», что, как показывает пример с метро, не такая уж очевидная вещь. Очевидность повседневного мира конституируется на уровне этих-вещей, конкретных [вещей], которые мы забываем, находим, описываем, храним и получаем со склада. «Сумка черная» или «очки» — это не просто результат работы, совершаемой с «вещью», а сама работа, которая есть эта-вещь, т. е. обыденно-объяснимая-именно-эта- {вещь}.

Помимо того что эта-вещь всегда конкретна, она — частность, описывающая ту ситуацию, частью которой является. Очки, описанные как «очки» в заявлении, очки, о которых заявитель говорит кладовщику, очки, описанные в бланке описи, очки, лежащие на складе, очки, потерянные вместе с черной сумкой, записной книжкой и деньгами, — это не одни и те же очки, но и не разные очки. Их тождество или различие представляют собой локальные достижения в соответствующих ситуациях, где эти-очки теряются, находятся, описываются, хранятся и выдаются в этом-месте в это-время. Специфическое описание этих-очков уточняет ту практику, частью которой оно является. В каждой ситуации задача участников состоит в производстве локальной описи этих-очков. Например, записывая «очки» в бланк заявки, заявитель может в какой-то момент столкнуться с тем, что он, оказывается, записал «очки» «не там» или «не так». Поэтому на двери вывешивается образец, и кладовщик может давать указания заявителю, что и как нужно писать в заявлении. В этом случае «очки»-как-запись связаны с задачами ведения документации на складе забытых вещей. «Очки»-как-запись описывают эту практику и описываются ею.

Работа «овеществления», совершаемая сотрудниками метрополитена, в некоторых отношениях схожа с работой превращения ОНО в культурный объект, совершаемой учеными в ходе открытия¹. Ученые получают пульс на осциллографе, но они не уверены, чем он вызван. Это может быть артефакт измерения или он может быть вызван не тем «объектом», который они ищут. У них есть ОНО, которое через несколько часов после серии дополнительных наблюдений, калибровки оборудования и обсуждений становится объективно существующим «пульсаром». Нечто подобное наблюдается

1 См. об этом [Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981].

и в случае забытых вещей. Сначала эта-вещь обращает на себя внимание пассажира или сотрудника метро. Она выделяется на фоне рутинных практик поездки или работы. Ее наблюдаемые характеристики должны еще быть некоторым образом упорядочены, чтобы ЭТО могло быть описано в бланке описи. Безусловно, в отличие от обсерватории в данном случае не возникает вопроса: действительно ли эта вещь существует? Но *что* это за вещь решается в ходе ситуативной работы, которая предполагает не просто перечисление свойств этой-вещи или описание ее с помощью той или иной родовой категории, но и вообще отнесение ее к категории «вещи». «Что» этой-вещи при этом неразрывно связано с «где» и «когда» этой-вещи.

140 Эта связь обеспечивает ситуативные основания для сомнения в том, почему эта вещь находится здесь: она потеряна, она выброшена или она была оставлена с какой-то определенной (прежде всего преступной) целью. То, что в отличие от ученых сотрудники метрополитена или пассажиры не задаются вопросом «Что это?», не означает, что эти-вещи просто самоочевидны и что остается лишь их классифицировать и что-то с ними сделать. Самоочевидность вещей — сложный результат ситуативных действий. Точно так же как ученые *делают* из ОНО пульсар, существующий независимо от практик его обнаружения и наблюдения, «очки» *делаются* независимыми от практик их описания и манипулирования ими. Затем, когда эти-вещи перевозятся на склад и размещаются там среди других «вещей», они продолжают находиться в отношениях взаимного прояснения с сопутствующими практиками, в которых эти-вещи заключаются.

С одной стороны, отношение между описью и этими-вещами может оказаться в какой-то момент проблематичным, например, если какая-то вещь из описи пропадет или если ее разместят не на той полке, на которой она должна находиться¹. С другой, когда за вещь придет ее возможный владелец, возникнет необходимость с достаточной степенью уверенности определить, ответственны ли «вещи» из его заявления этим-вещам, лежащим на складе. Тем самым наблюдаемые детали этой-вещи постоянно уточняются и уточняют те ситуативные практики, в том числе практики описания, в которых эти-вещи приобретают фактичность и очевидность.

---

1 На первом снимке со склада видно, что эти-вещи располагаются там по месяцам в соответствии с датой их обнаружения. Если вещь окажется не в своем «месяце», это может создать затруднение.

Собираясь с мыслями

Подведем некоторые итоги. Те, кто когда-нибудь транскрибировал аудиозаписи, согласно принципам разговорного анализа, знают, что после нескольких часов таких занятий ты перестаешь воспринимать обычную человеческую речь как раньше. Даже встав из-за стола, ты продолжаешь какое-то время слышать восходящие и нисходящие интонации, паузы разной длины, громкость произносимых звуков, интонационные выделения, ускорения и замедления и пр. К счастью, потом этот эффект проходит. Для отношений между стенограммой и слышимой речью характерны три момента.

Во-первых, стенограмма никогда не заменяет эти-высказывания. Стенограмма используется отчасти в силу технической сложности встраивания аудиозаписи в письменный текст, но, когда эта техническая проблема будет решена, стенограмма будет всегда сопровождаться звучащей записью. Во-вторых, живая речь никогда не заменяет стенограмму. Стенограмма — способы слушания этого-высказывания. После-эффект транскрибирования указывает как раз на это: благодаря стенограмме мы начинаем слушать иначе. В-третьих, чтобы стенограмма была способом слушания, необходимо проделать большую работу. В актуальных ситуациях транскрибирования слушающий осуществляет множество действий, не отражающихся в стенограмме: постоянная перематка отдельных кусков, повышение или понижение громкости, возвращение к уже транскрибированным фрагментам для внесения изменений, манипулирование клавиатурой компьютера или письменными принадлежностями и т. д. Вся эта работа обеспечивает соотнесение стенограммы и этой-слышимой-речи.

141

Отношения между стенограммой и слышимой речью являются очень точной аналогией отношений между «вещью» и этой-вещью. Все три указанных момента присутствуют и когда мы анализируем отношения между этой-монетой и монетой-как-вещью или этими-очками и очками-как-вещью. «Очки» или «монета» — это способы восприятия этих-очков или этой-монеты. Если мы считаем, что второе можно заменить первым, т. е. что «вещь» может быть поставлена на место этой-вещи, мы совершаем фатальную ошибку. Рано или поздно¹ это приводит в тупик: способ описания практики рассматривается в качестве самой практики. Конечно же, описание практики само является практикой: «очки»-в-заявлении — это практика (это-слово, написанное в этом-бланке), но очки-как-вещь — это значок в стенограмме, а не способ его проставления. Очки-как-вещь необходимы, но не в качестве конечного результата некоторой работы,

¹ У большинства социологов — рано, у некоторых (вроде Латура) — поздно.

а в качестве неотъемлемого элемента обращения с любой этой-вещью. В конечном счете мы имеем дело с фактичностью обыденного мира, которая заключается в практике этих-вещей. «Вещь» — лишь один из способов практикования этих-вещей.

Такая социология этого фокусируется на действиях, которые совершают люди, устанавливая конститутивные соответствия между этими-вещами и способами их описания. Поэтому в методологическом плане социология этого может иметь дело только с конкретными ситуациями (которых было слишком мало в моем анализе). Если мы не можем ничем заменить эти-вещи¹, тогда мы должны смотреть, как здесь и теперь эти-вещи вступают в отношения с их описаниями в качестве наблюдаемых практик. Мы не можем анализировать ничего, кроме того, что вот-эти-люди делают именно-тут и именно-теперь с этими-вещами.

Следовательно, социология этого — партикулярная социология, ориентированная на частные практики, не поддающиеся обобщению. В каждый момент времени в каждом месте есть только одна практика — то, что сейчас делают эти-люди. Соответственно анализ этой практики возможен только *изнутри*, поскольку анализируемость практики является достижением *самой* практики. Говоря об «этом», мы не говорим о «вещах» как материальных формах, полых оболочках, лишенных смыслового ядра, мы говорим о производимой участниками объяснимости {вещей}.

{Вещи} — это буквальные эти-вещи, эти-монеты в лотке и эти-очки на складе. Их обнаруживают, о них знают, с ними обращаются конкретные люди, поэтому именно их практические решения возникающих в отношении этих-вещей вопросов и задач должны быть предметом социологического анализа. Вещам нас должен учить не Латур, а юристы, полицейские и сотрудники метрополитена.

Библиография

- Белов В.А. (2007) Смешение вещей. *жж-ЮРИСТ*, 35: 12–13.
- Вахштайн В.С. (2006) Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории. *Социология вещей*, М.: Территория будущего: 7–39.
- Запорожец О., Лавриненц Е. (2008) Драматургия городского страха: риторические тактики и «бесхозные вещи». *P. S. Ландшафты: оптики городских исследований* (под ред. Н. Милерюса и Б. Коупа), Вильнюс: ЕГУ: 83–103.

---

1 Великий урок Латура заключается как раз в этом: он показывает, что в мире социолога нет ничего, чем бы можно было заменить эти-вещи, правда, тут же заменяя их «вещами».

Зиммель Г. (1999) Философия денег (фрагмент) *Теория общества: фундаментальные проблемы* (под ред. А. Ф. Филиппова), М.: Канон-Пресс-Ц: 309–383.

Неяскин Г. (2014) Что забывают москвичи в метро. *Афиша-Город*, 04.02.2014 (<http://gorod.afisha.ru/shopping/chto-zabyvayut-moskvichi-v-metro/>).

Новак Д.В. (2015) Правовые последствия смешения вещей. *ПостНаука*, 23.01.2015 (http://postnauka.ru/video/39_998).

Хархордин О. (2007) Была ли *res publica* вещью? *Неприкосновенный запас*, 5: 97–119.

Хархордин О. (ред.) (2009) *Res Publica: история понятия*, СПб: Изд-во ЕУ СПб.

Хархордин О. (2013) Теория *res publica* и современная Россия: роль вещей и роль публики. *Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica* (под ред. О. Хархордина, Р. Алапура, О. Бычковой), СПб: Изд-во ЕУ СПб: 11–64.

Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (1981) The work of a discovering science construed with materials from the optically discovered pulsar. *Philosophy of the Social Sciences*, 11 (2): 131–158.

Komter A. (2001) Heirlooms, Nikes and bribes: towards a sociology of things. *Sociology*, 35 (1): 59–75.

References

Belov V. A. (2007) Smeshenie veshchey [The mixture of things]. *ezh-YURIST*, 35: 12–13.

Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (1981) The work of a discovering science construed with materials from the optically discovered pulsar. *Philosophy of the Social Sciences*, 11 (2): 131–158.

Kharkhordin O. (2007) Byla li *res publica* veshch'yu? [Was *res publica* a thing?]. *Неприкосновенный запас*, 5: 97–119.

Kharkhordin O. (ed.) (2009) *Res Publica: istoriya ponyatiya* [Res Publica: History of the Concept], Saint-Petersburg: EUSP Press.

Kharkhordin O. (2013) Teoriya *res publica* i sovremennaya Rossiya: rol' veshchey i rol' publiki [Theory of *res publica* and contemporary Russia: the role of things and the role of public]. *Infrastruktura svobody: obshchie veshchi i res publica* [The Infrastructure of Freedom: Public Things and *Res Publica*] (eds. O. Kharkhordin, R. Alapuro, O. Bychkova), Saint-Petersburg: EUSP Press: 11–64.

Komter A. (2001) Heirlooms, Nikes and bribes: towards a sociology of things. *Sociology*, 35 (1): 59–75.

Neyaskin G. (2014) Chto zabyvayut moskvichi v metro [What Moscowites forget in the metro]. *Афиша-Город*, 04.02.2014 (<http://gorod.afisha.ru/shopping/chto-zabyvayut-moskvichi-v-metro/>).

Novak D. (2015) Pravovye posledstviya smesheniya veshchey [The legal consequences of the mixture of things]. *ПостНаука*, 23.01.2015 (http://postnauka.ru/video/39_998).

Simmel G. (1999) Filosofiya deneg (fragment) [The philosophy of money (a fragment)]. *Teoriya obshchestva: fundamental'nye problemy* [Theory of Society: Fundamental Issues] (ed. A. Filippov), Moscow: Kanon-Press-Ts: 309–383.

Vakhshtayn V.S. (2006) *Sotsiologiya veshchey i «povorot k material'nomu» v sotsial'noy teorii* [The sociology of things and «material turn» in social theory]. *Sotsiologiya veshchey* [The Sociology of Things] (ed. V. Vakhshtayn), Moscow: Territoriya budushchego: 7-39.

Zaporozhets O., Lavrinec E. (2008) *Dramaturgiya gorodskogo strakha: ritoricheskie taktiki i «beskhoznye veshchi»* [The dramaturgy of urban fear: rhetorical tactics and «unattended articles»]. *P. S. Landshafty: optiki gorodskikh issledovaniy* [P. S. Landscapes: Optics for Urban Studies] (eds. N. Milerius, B. Cope), Vilnius: EHU Press: 83-103.